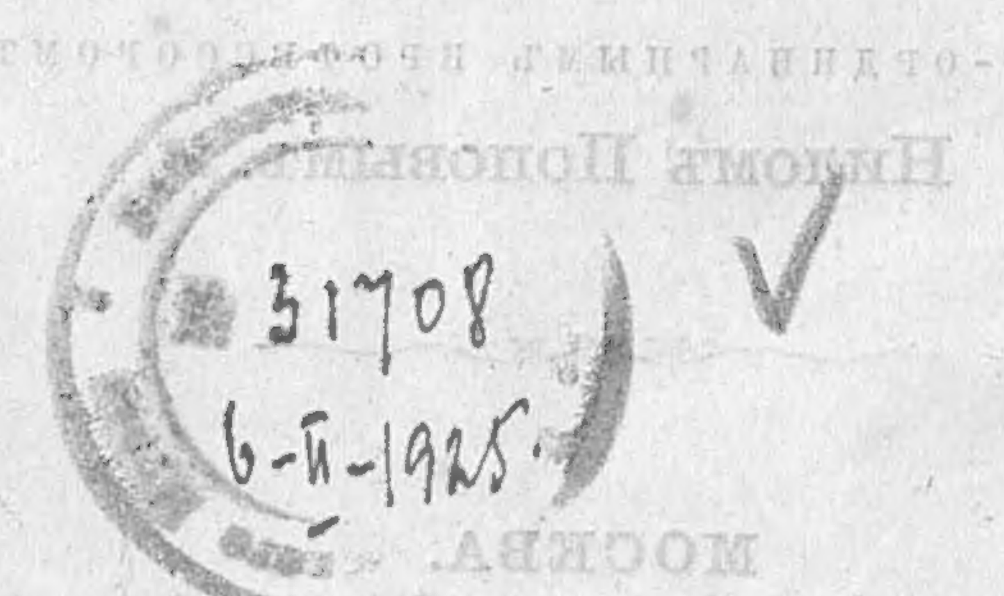

О ЗНАЧЕНІИ
ГЕРМАНСКАГО И ВИЗАНТІЙСКАГО ВЛІЯНІЙ
НА
РУССКУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ
ВЪ
ПЕРВЫЕ ДВА ВѢКА ЕЯ РАЗВИТІЯ.

РѢЧЬ,
ЧИТАННАЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Московскаго Университета
12-ГО ЯНВАРЯ 1871 ГОДА,
ЭКСТРА-ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ
Ниломъ Поповымъ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1871.

Изданіе Императорскаго Московскаго Университета.

О ЗНАЧЕНІИ

ГЕРМАНСКАГО И ВИЗАНТІЙСКАГО ВЛІЯНІЙ НА РУССКУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕРВЫЕ ДВА ВѢКА ЕЯ РАЗВИТІЯ.

Милостивые государи!

Каждый изъ васъ безъ сомнѣнія замѣчалъ и на себѣ и на другихъ, что внутренняя природа человѣка развивается и переработывается съ годами жизни, что къ качествамъ, даннымъ природою каждому изъ насъ, жизнь придавала еще новыя, которыя, въ соединеніи съ прежними составляя нашъ характеръ, опредѣляютъ и нравственную физіономію человѣка. Натуры широкія, или сосредоточенныя, или безразличныя не выходятъ такими непосредственно изъ рукъ природы: онѣ развиваются подъ вліяніемъ тѣхъ идей и условій, которыя господствуютъ въ окружающей ихъ общественной средѣ. Если вѣрно что ни одинъ человѣкъ не можетъ безнаказанно для своей внутренней природы стать особнякомъ отъ всего общества; то съ другой стороны съ еще большею силою должны дѣйствовать на него ежедневныя сношенія съ другими. Въ первомъ случаѣ его собственная природа, предоставленная самой себѣ, должна служить единственнымъ источникомъ для его развитія, и внутренняя жизнь его неизбѣжно приметъ одностороннее направленіе, проявится болѣе или менѣе въ узкихъ формахъ. Во второмъ случаѣ природа каждаго человѣка спѣ-

шитъ такъ или иначе заявить себя и переработать привнесенное извнѣ. Историческое значеніе и дѣятельность во всѣ времена принадлежали людямъ преимущественно втораго закала и рѣдко, рѣдко людямъ уединившимся, отдѣлившимся отъ другихъ. То же самое происходило и происходитъ съ цѣлыми обществами и народами. Чѣмъ доступнѣе постороннимъ вліяніямъ общество и вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ живѣе и сознательнѣе оно относится къ нимъ, тѣмъ богаче проявленія его жизни. Чѣмъ болѣе поглотилъ въ себѣ чуждыхъ элементовъ какой-либо народъ, чѣмъ богаче одарены были эти элементы, чѣмъ полнѣе переработалъ ихъ въ себѣ принявшій народъ, тѣмъ шире, сильнѣе и развитѣе будетъ его собственная природа. Ни одинъ изъ историческихъ народовъ не избѣжалъ такой судьбы. Первобытныя свойства всѣхъ народовъ не только развивались, но и пополнялись съ теченіемъ времени, вслѣдствіе болѣе или менѣе частыхъ столкновеній и сношеній съ другими народами. Къ числу такихъ историческихъ народовъ принадлежитъ и народъ русскій. Прослѣдить за первыми проявленіями изъ исторіи развитія его внутренней природы и будетъ сегодня нашею задачею. Другими словами говоря насъ будутъ занимать здѣсь вопросы: откуда мы идемъ? всегда ли нашъ народъ былъ русскимъ, и всегда ли исторія знала его подъ этимъ именемъ? не принялъ ли онъ въ себя какихъ-либо другихъ, пришлыхъ и заимствованныхъ, элементовъ и какъ онъ усвоилъ ихъ себѣ? какія слѣдствія произошли отъ этого смѣшенія,—послужило ли это къ лучшему или худшему, стали ли отъ этаго богаче духовныя силы русскаго народа? Ближайшіе отвѣты на всѣ эти вопросы даютъ намъ первыя же два столѣтія русской исторической жизни, на которыхъ мы и остановимся.

Русскій народъ родился на памяти исторіи. Этому почетному имени его предшествовало другое, не менѣе громкое, игравшее видную роль въ судьбахъ средней Европы. Русскій народъ принадлежалъ и принадлежитъ, вмѣстѣ съ другими единоплеменными ему народами, къ обширной славянской семьѣ. Племена, населявшія восточную половину Европы въ доисторическія времена и вошедшія потомъ въ составъ

русской народности, имѣя свои племенныя названія, носили и общее имя Славянъ вмѣстѣ съ Славянами западными и южными. Но потомъ восточные Славяне приняли въ себя новый, пришлый элементъ, норманскій или германскій, и стали называться Русью, Русскимъ народомъ; а подчинившись еще вліянію элемента византійскаго, они явились въ качествѣ народа христіанскаго, принадлежащаго къ Восточной церкви. Съ тѣхъ поръ судьбы и положеніе ихъ не только среди иноплеменныхъ народовъ стараго свѣта, но и среди остальныхъ Славянъ были рѣшены и приняли опредѣленное направленіе. Изъ этого вы, мм. гг., можете видѣть, какъ важно при изученіи нашей народной исторіи остановиться надъ вопросомъ, обнимающимъ всѣ намѣченные мною прежде: какъ опредѣлились взаимныя отношенія элементовъ славянскаго, германскаго и византійскаго въ русской жизни?

Восточные Славяне, двинувшіеся въ земли принадлежащія теперь Россіи, заняли страну уже не новую въ лѣтописяхъ исторіи. Дѣятельная жизнь прежде обитавшихъ въ этой странѣ или посѣщавшихъ ее народовъ оставила по себѣ весьма памятные слѣды. Историческія сказанія и вещественные памятники, разсыпанные по всему пространству восточной Европы, свидѣтельствуютъ, что сюда приходили съ разныхъ сторонъ разноплеменные народы для завоеваній и торговли, что иногда жили здѣсь племена, достигавшія весьма замѣтнаго развитія. Тѣмъ не менѣе на обширномъ пространствѣ всей этой области не могла укрѣпиться или подчинить себѣ другія ни одна народность до прихода Славянъ: причиною того была именно эта обширность страны. Въ ней появлялись торговыя и военныя колоніи изъ народовъ весьма образованныхъ: на югѣ Грековъ, на юго-востокѣ Арабовъ, на сѣверо-западѣ Скандинавовъ; но то были лишь малочисленныя поселенія, чрезъ которыя могло проходить на ближайшіе края страны вліяніе народовъ, выдѣлившихъ изъ себя эти колоніи, но дать общую прочную жизнь всей странѣ эти колоніи не могли. Появлялись въ ней по временамъ цѣлые народы, возникали между ними политическія формы жизни; но эти народы или

шли далѣе на западъ, тѣснимые другими,—такова судьба Готскаго царства, павшаго отъ нашествія Гунновъ, или эти народы были не многочисленны и основывали свои политическія территоріи лишь на окраинахъ страны,—таковы были царства Босфорское, Казарское и Болгарское на Волгѣ. Славяне же явились на востокѣ Европы, вслѣдствіе обратнаго движенія съ запада, явились народомъ многочисленнымъ, хотя дробившимся на множество племенъ и заняли преимущественно внутреннія части страны. Эти условія, особенно численность Славянъ и срединное положеніе ихъ, должны были дать имъ перевѣсъ надъ всѣми другими народами, заселявшими большую часть окраинъ восточной Европы и не отличавшимися многочисленностію. Но съ другой стороны обширность страны не осталась безъ вліянія не только на внѣшніе успѣхи восточныхъ Славянъ, но и на внутреннее развитіе ихъ: она способствовала образованію громадной государственной области, но вмѣстѣ съ тѣмъ, ставила безпрестанныя препятствія быстрому движенію жизни внутренней; успѣхи народнаго развитія задерживались простой задачей занятія всей страны; выгоды частныя, родовыя и племенныя, подавлялись громадностью общей опасности и общаго движенія къ дальнимъ предѣламъ страны, множествомъ разноплеменныхъ сосѣдей и разнохарактерностью тѣхъ вліяній, которыя они должны были оказывать на Славянъ. Но въ то же время у восточныхъ Славянъ, разбросавшихся на большомъ пространствѣ, раздѣлившихся на многіе роды и племена, была и значительная внутренняя сила, опиравшаяся на единство языка, на единство народныхъ обычаевъ и преданій, на сходство внѣшнихъ формъ жизни.

Тѣ первоначальныя, такъ сказать этнографическія свойства, съ которыми появились Славяне въ исторіи, были общи имъ всѣмъ и на востокѣ, и на западѣ, и на югѣ, и лишь въ послѣдствіи у однихъ явилось преобладаніе аристократическаго начала (особенно у Славянъ прибалтійскихъ), у другихъ—преобладаніе начала демократическаго (у Славянъ южныхъ), у третьихъ—преобладаніе княжеской

власти (на востокѣ), у четвертыхъ колебаніе между властью князя и вліяніемъ аристократіи (Славяне западные).

Въ началѣ Славяне не дѣлали различія между семьею и родомъ или, другими словами говоря, имъ былъ неизвѣстенъ союзъ семейный въ отдѣльности отъ родоваго,—и это особенно справедливо въ примѣненіи къ доисторическому быту Славянъ восточныхъ. Благодаря болѣе позднему столкновенію ихъ съ сильнѣйшими и образованнѣйшими относительно ихъ народами, благодаря отдаленности занятой ими области отъ остальнаго историческаго міра, у нихъ родовой бытъ удержался нѣсколько долѣе нежели у другихъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что характеръ родоваго быта не отличался особенною сложностію и не противорѣчилъ быту общинному, возникшему позднѣе и отличавшемуся отъ него началомъ договорнымъ. Родовое владѣніе имѣло много общихъ признаковъ съ общиннымъ, и во всякомъ случаѣ ни то, ни другое не переходило въ древности за границы племенныхъ различій, подчиняясь общимъ требованіямъ, вытекавшимъ изъ начала народности. Формы внутренняго быта среди рода и общины, принадлежавшихъ одному и тому же племени, слагались изъ однородныхъ элементовъ; но родъ основывался на узахъ крови и родственныхъ преданіяхъ, а община могла возникать лишь по ослабленіи родовыхъ связей: и родъ и община равно были формами политическими; въ условіяхъ ихъ быта лежала возможность появленія международныхъ отношеній.

Само собой разумѣется, что и помимо своихъ историческихъ цѣлей, помимо возможныхъ въ будущемъ послѣдствій, патріархальный бытъ восточныхъ Славянъ, родовой и племенной, имѣетъ для русскаго историка свое неотъемлемое значеніе. Въ немъ выразились тѣ внутреннія силы, которыми надѣлены были племена, давшія исторію нашей странѣ; въ его формахъ проявилось то духовное содержаніе, которое таилось въ первобытныхъ, природныхъ свойствахъ этихъ племенъ. Формы эти проникнуты религіозными воззрѣніями, поэтическими отношеніями къ внѣшнему міру и къ самому человѣку, безъ которыхъ не являлось на лицѣ земли ни одного народа. Патріархальный бытъ

восточныхъ Славянъ основанъ былъ именно на такихъ вѣрованіяхъ, и первоначальный славянскій родъ связанъ былъ не однѣми только узами крови, но и общими религіозными представленіями; родоначальники имѣли не только значеніе старѣйшинъ и властителей, но и значеніе жрецовъ, хранителей родовыхъ обычаевъ и преданій. Сильны были физическія условія, связывавшія между собою родичей даже послѣ того, какъ родъ разростался и начиналъ дѣлиться; но еще сильнѣе сказывалось въ этомъ вліяніе общихъ имъ всѣхъ вѣрованій и обрядовъ жизни. Родъ, заключенный такимъ образомъ въ себѣ самомъ, составлялъ какъ бы отдѣльное общество, и потому не удивительно, что лѣтописцы, а особенно иноземные писатели, оставившіе намъ свѣдѣнія о жизни древнихъ Славянъ, смѣшивали понятія власти общественной и кровной. Власть эта обязана была слѣдовать указаніямъ давнихъ обычаевъ и была соблюдаема всѣми старшими членами рода; на родовые обычаи не могъ посягать ни одинъ старѣйшина, вѣрившій въ непреложность ихъ наравнѣ со всѣми родичами. Но такая замкнутость родовой жизни не исключала возможности сношеній между двумя и многими родами. Къ такимъ сношеніямъ безпрестанно побуждали самыя первыя потребности жизни: размноженіе членовъ рода, общія бѣдствія и опасности, торговыя сношенія и разбирательство въ случаѣ смѣшанныхъ споровъ. Всѣ эти жизненныя проявленія имѣли свои формы у восточныхъ Славянъ, не рѣдко несходныя между собой вслѣдствіе племенныхъ различій. Такъ необходимымъ условіемъ размноженія родовъ было заключеніе браковъ, и уже въ самыя древнія времена у восточныхъ Славянъ формы языческаго брака были различны. У однихъ онъ совершался по средствомъ умычки или похищенія дѣвицъ у воды, ибо вода у народовъ языческихъ считалась стихіей священною. У другихъ похищеніе совершалось послѣ соглашенія похитителя съ дѣвицей на игрищахъ, при чемъ похищеніе было только символомъ сохранившимся изъ старины. У третьихъ существовала уже весьма развитая форма брака, предполагавшая согласіе родичей,—приводъ невѣсты къ жениху, сопровождавшій-

ся дарами. При этомъ у большей части племенъ допускалось многоженство и купля невѣсты всегда имѣла мѣсто, когда женихъ и невѣста принадлежали къ разнымъ родамъ. Затѣмъ вслѣдствіе преобладающаго у всѣхъ младенчествующихъ народовъ поклоненія физической силѣ, положеніе женщинъ, престарѣлыхъ родителей и дѣтей, не обѣщавшихъ быть здоровыми, зависѣло отъ воли болѣе сильныхъ, болѣе мужественныхъ членовъ. Съ другой стороны тѣсная связь, существовавшая между родичами, обусловливала также необходимость кровной мести, подъ именемъ которой разумѣлось право и даже обязанность всѣхъ родичей мстить членамъ другаго рода за обиду, нанесенную кѣмъ-либо изъ послѣднихъ члену перваго рода. Такая месть въ первобытномъ состояніи человѣка, при отсутствіи власти, которая могла бы мстить за обиженнаго, была не только естественнымъ, но и законнымъ чувствомъ и въ нашей начальной лѣтописи разсказано нѣсколько примѣровъ кровной мести. Всѣ другіе споры разрѣшались разными способами, установившимися подъ вліяніемъ религіозныхъ вѣрованій Славянъ и называвшимися по этому „судами божіими.“ Такими способами рѣшенія споровъ или судебными доказательствами были: испытаніе огнемъ и посредствомъ желѣза, испытаніе водой, судебный поединокъ, и присяга или рота Въ основаніи этихъ способовъ лежала то убѣжденіе, что божество принимаетъ непосредственное участіе въ дѣйствіи, которое могло быть произведено или огнемъ, или раскаленнымъ желѣзомъ, или водой; что божество участвуетъ въ судебномъ поединкѣ, помогая невинному побѣдить виновнаго; что оправдательный жребій также по высшей волѣ выпадаетъ на долю невиннаго, и что присягающій призываетъ на себя за ложное показаніе мщеніе и кару божества. Такимъ образомъ въ основѣ всѣхъ обрядовъ жизни участвовало то или другое религіозное убѣжденіе.

Самою важною минутою въ доисторической жизни восточныхъ Славянъ бывало соединеніе ихъ родовъ по какимъ-либо общимъ побужденіямъ. Такія соединенія однакожъ бывали большею частію временныя. Они были вызываемы или внѣшней опасностью; тогда строились укрѣпленныя

мѣста, куда укрывались всѣ слабые, и откуда иногда защищались отъ врага всѣ способные носить оружіе; но поминованіи опасности эти укрѣпленныя мѣста покидались сошедшимися туда на время нашествія враговъ. Подобное же сближеніе вызывалось потребностью общихъ жертвоприношеній и мѣновою торговлею. Города служили мѣстомъ соединенія во время внѣшней опасности; городища и погосты служили для религіозныхъ отправленій и торговыхъ сношеній; земледѣліе и скотоводство господствовали въ весяхъ и поляхъ. Восточные Славяне имѣли большіе города еще прежде, чѣмъ заговорили о нихъ историческіе памятники; а волости, заселенныя родами одного и того же племени, назывались или по имени самаго племени, или по имени главнаго города въ землѣ. Но собственно историческая жизнь началась для восточныхъ славянскихъ племенъ лишь съ того времени, когда родовой бытъ ихъ сталъ разлагаться внутри себя. Въ этомъ свойствѣ народнаго быта переходить къ болѣе развитымъ формамъ жизни и заключалась возможность для восточныхъ Славянъ сдѣлаться со временемъ народомъ историческимъ. Самый сильный разладъ среди нихъ, самая сильная усобица между ихъ отдѣльными родами совпадаетъ именно съ появленіемъ въ ихъ землѣ элемента чуждаго, съ признаніемъ за тѣмъ элементомъ правъ не только на общую жизнь, но и на власть.

Норманскому племени, призванному восточными Славянами, не были чужды преданія о жизни въ формахъ родоваго устройства, которое у германскихъ народовъ предшествовало дружинному. Кромѣ того и призвавшіе и призванные, какъ всѣ младенчествующіе народы, имѣли и другія общія условія въ своемъ бытѣ, которыя могли сблизить ихъ между собой. Но при этомъ на первыхъ порахъ преобладающее вліяніе должно было принадлежать тому народу, бытъ котораго ушелъ нѣсколько далѣе въ своемъ развитіи. Народъ, удержавшій первобытныя формы общественной жизни, волею или неволею долженъ былъ на время подчиниться пришельцу, бытъ котораго отличался болѣе строгою опредѣленностью. Пока Славяне и Германцы

жили въ родовомъ бытѣ, ихъ вліяніе другъ на друга не могло быть сильно; но бытъ дружинный былъ дальнѣйшей и высшей ступенью въ развитіи германскаго племени. Причины болѣе ранняго развитія Германцевъ сравнительно съ Славянами заключались отчасти въ ихъ этнографическихъ свойствахъ, отчасти въ историческихъ условіяхъ ихъ жизни. Славяне съ древнѣйшихъ временъ отличались характеромъ миролюбивымъ; они любили осѣдлость и занимались преимущественно скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ. Напротивъ Германцы на памяти исторіи являются съ характеромъ воинственнымъ; у нихъ мирныя занятія были въ презрѣніи и предоставлялись рабамъ или женщинамъ. Тѣ же лица, которыя отличались физическою силой, занимались или войной или охотой; вотъ почему въ то время у Славянъ скотоводство и хлѣбопашество находились болѣе или менѣе въ цвѣтущемъ состояніи; у Германцевъ же процвѣтали звѣроловство, охота и военныя занятія. Самая суровость и бѣдность сѣверныхъ странъ, которыя занимали Норманны, сдѣлала ихъ наиболѣе воинственнымъ между германскими племенами, и страсть къ жизни бродячей, страсть къ отдаленнымъ походамъ развилась въ нихъ очень рано и сильно. Вслѣдствіе всего этого Славяне, при болѣе рѣдкихъ столкновеніяхъ съ другими народами, долѣе сохраняли свой первоначальный бытъ и не покидали своихъ поселеній для дальнихъ походовъ. У Германцевъ же вслѣдствіе частыхъ, почти безпрерывныхъ столкновеній съ иноплеменными народами и сношеній между собою, патріархальный бытъ быстро измѣнялся: съ одной стороны во время походовъ въ битвахъ они привыкали цѣнить свою личность, свою физическую силу; съ другой, находясь всю жизнь подъ знаменами какого-либо вождя, они пріучались къ военной подчиненности, къ суровымъ формамъ боевой жизни. Славяне оставались при однихъ и тѣхъ же неопредѣленныхъ отношеніяхъ не только между собою, но и къ иноплеменникамъ; Германцы же всюду, гдѣ ни являлись, вносили новыя понятія и требованія въ общественную жизнь, и сами строго держались дружиннаго быта.

Подъ именемъ дружины они разумѣли толпу, которая со-

биралась подъ знамена какого-нибудь удальца, и подчиняясь ему, какъ своему вождю, заключала съ нимъ договоръ служить вѣрно, но взамѣнъ того выговаривала условіе, чтобы вождь дѣлился съ дружинниками захваченной добычей, будетъ ли то земля, или какіе-либо другіе предметы собственности и владѣнія. При этомъ глава дружины считалъ военную славу самой лучшей, самой большей наградой для себя. Составлявшіяся такимъ образомъ дружины отправлялись или прямо на войну, куда имъ казалось выгоднѣе, или шли по призыву какого-либо народа, приглашавшаго ихъ на помощь себѣ, или вступали на службу къ болѣе сильнымъ вождямъ и народамъ по найму. Внутри каждой дружины взаимныя отношенія между ея членами являлись болѣе опредѣленными, болѣе точными, болѣе обусловленными, чѣмъ отношенія между родичами, опредѣлявшіяся только кровными узами. Въ виду такихъ различій у Германцевъ явились съ одной стороны юридическія опредѣленія отношеній между вождемъ и дружиной, съ другой, довольно точныя понятія о правахъ и обяз нностяхъ каждаго лица. Но сознавая себя самостоятельными, свободными и равными, дружинники должны были смотрѣть иначе на тѣ племена и лица, которыя дѣлались подвластными имъ вслѣдствіе завоеванія. Такое подчиненіе происходило двоякимъ образомъ: дружинники или брали въ плѣнъ воевавшихъ съ ними, или же побѣдивши цѣлое племя позволяли побѣжденному населенію оставаться при извѣстныхъ условіяхъ на старомъ мѣстѣ жительства и пользоваться землею, которою тѣ прежде владѣли. Такимъ путемъ образовалось различное состояніе побѣжденныхъ: одни изъ нихъ какъ военноплѣнные становились рабами дружинниковъ; другіе, которымъ позволялось оставаться на прежнемъ мѣстѣ жительства, должны были уступать Германцамъ часть земли, а съ части удержанной за ними платить опредѣленную дань, и такія отношенія назывались ленными.

При такихъ условіяхъ рабство у Германцевъ представлялось съ болѣе строгою опредѣленностью чѣмъ у Славянъ: и у послѣднихъ были военноплѣнные, но они поль-

зовались правомъ освобожденія по истеченіи извѣстнаго срока и могли оставаться жить среди Славянъ; оставшись у нихъ они примыкали къ извѣстному роду. Здѣсь состояніе ихъ не было слишкомъ печально, потому что родовые обычаи заставляли смотрѣть на нихъ какъ на младшихъ членовъ родовой общины. Такимъ образомъ семейное начало смягчало отношенія Славянъ къ побѣжденнымъ; германскіе же дружинники смотрѣли на раба какъ на полную собственность, какъ на вещь, которою они могли распоряжаться по своей волѣ, безъ всякой отвѣтственности предъ лицомъ общества. Кромѣ того у Германцевъ рано явилось другаго рода рабство-кабальное. Лица, бравшія у другихъ взаймы деньги, поступали въ услуженіе къ заимодавцу, должны были заработывать взятую сумму, при чемъ отношенія хозяина къ должнику были произвольныя и только одна надежда уплатить со временемъ долгъ облегчала участь должника. У Славянъ не могло быть кабальнаго рабства въ такой формѣ. У нихъ потребности каждаго удовлетворялись работой всѣхъ членовъ рода, и если кому приходилось сдѣлаться должникомъ, то порукою за него были остальные родичи; наконецъ, если кому случалось попасть въ услуженіе за долги въ чужой родъ, то онъ становился членомъ того рода, къ которому принадлежалъ самъ заимодавецъ: слѣдовательно и здѣсь семейное начало смягчало обхожденіе съ человѣкомъ, попавшимъ въ разрядъ обнищавшаго должника.

Кромѣ того у Германцевъ, какъ мы уже замѣтили, существовали особаго рода отношенія между дружинниками и побѣжденными народами, извѣстныя подъ именемъ феодализма. Феодализмъ неизбѣжно вытекалъ изъ условія, по которому каждый дружинникъ за услуги, оказанныя товарищамъ во время войны, получалъ себѣ часть завоеванной земли. Такой участокъ назывался beneficium или ленъ. Какъ хозяинъ этого лена, самъ дружинникъ назывался леннымъ владѣльцемъ; но взамѣнъ полученнаго участка онъ обязывался являться къ вождю по первому его призыву. Такія отношенія его къ вождю назывались вассальными, а самъ онъ назывался вассаломъ. Что касается главныхъ

вождей, то, поселившись на завоеванной землѣ, они принимали герцогскій или королевскій титулъ. Вассалы же пользовались данью съ жителей завоеванной страны, которымъ была предоставлена для пользованія какая-либо часть ея. Главный вождь при содѣйствіи своихъ вассаловъ долженъ былъ удерживать побѣжденныхъ жителей въ подчиненіи, обезпечивая тѣмъ и права леннаго владѣнія. Такимъ образомъ феодальная система была ясно опредѣлена съ одной стороны отношеніями между королемъ и вассалами, съ другой между вассалами и побѣжденными. Не смотря на то силою самаго положенія дѣлъ рано или поздно должны были нарушиться установленныя феодальною системою отношенія. Какъ скоро ленный владѣлецъ получалъ въ собственность большій или меньшій участокъ земли, то уже начиналъ смотрѣть на себя какъ на лицо болѣе или менѣе самостоятельное и старался отдѣлаться отъ подчиненія прежнему вождю своему. Съ другой стороны вассалы не могли ладить съ своими подвластными, которыхъ они угнетали, что̀ вызывало противодѣйствіе со стороны побѣжденныхъ, вступавшихъ съ ними въ борьбу. Такимъ образомъ вскорѣ послѣ установленія феодальныхъ отношеній открывается борьба между королями и ихъ вассалами, между ленными владѣльцами и побѣжденными. Въ продолженіе этой борьбы общины, подвластныя вассаламъ, начинаютъ помогать верховнымъ владѣльцамъ противъ своихъ угнетателей, оказавшихся непокорными вассалами. Короли за такую помощь даютъ членамъ мѣстныхъ общинъ особыя привеллегіи, подъ вліяніемъ коихъ образуется и развивается новый классъ общества, сословіе промышленное и торговое. Это сословіе занимаетъ средину между ленными владѣльцами и побѣжденными, причемъ дружинники, составляющіе высшій общественный разрядъ, называются благородными, а промышленные и торговые люди составляютъ средній классъ. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ феодальной системы образуются различныя сословія и опредѣляются отношенія между ними и отношенія между лицами каждаго сословія въ отдѣльности. Такое возникновеніе сословій вмѣстѣ съ строгимъ юридическимъ

опредѣленіемъ ихъ составляло естественное послѣдствіе дружиннаго быта, которымъ онъ отличался отъ патріархальнаго быта Славянъ, у которыхъ въ древнія времена не замѣтно яснаго, сознательнаго раздѣленія на сословія. Различные разряды общества, существовавшіе у Славянъ, не могутъ быть названы сословіями, ибо у нихъ одни лица стояли выше, а другіе ниже не по политическимъ правамъ, а по родовому старшинству или по богатству. Напротивъ, классъ промышленный почти ничѣмъ не отличался отъ земледѣльческаго; оба они сливались въ своихъ хозяйственныхъ занятіяхъ, и вслѣдствіе того вообще у Славянъ не было строгаго различія между городами и селами. Въ древней Россіи такое безразличіе общественныхъ классовъ и отсутствіе строгаго разграниченія между городскимъ и сельскимъ населеніемъ господствовало весьма долгое время.

Къ числу существенныхъ отличительныхъ, вытекавшихъ изъ дружиннаго быта, народныхъ свойствъ принадлежало отсутствіе прочныхъ религіозныхъ убѣжденій. Славяне какъ всѣ народы, жившіе долгое время въ родовомъ быту, были глубоко проникнуты языческими вѣрованіями; напротивъ, норманскіе дружинники, безпрестанно покидавшіе родную почву для дальнихъ странствій, а вмѣстѣ съ нею и родныхъ пенатовъ, очень скоро становились въ чужой землѣ среди иноплеменниковъ равнодушными къ вѣрѣ своихъ отцовъ. Къ тому же, по свойственной имъ боевой отвагѣ и вслѣдствіе предпочтенія физической силы всякой другой, они привыкли располагать собою независимо отъ воли всякаго покровительствующаго начала и рано покинули безотчетную вѣру въ суровое, неотразимое участіе божества въ дѣлахъ человѣческихъ. Подъ вліяніемъ такого презрѣнія къ идеѣ, обоготворявшей высшія силы природы, у дружинниковъ приходили въ забвеніе такъ называемые божіи суды, и самое *поле*, какъ судебный поединокъ, осталось лишь потому, что въ немъ могло участвовать столь любимое ими оружіе. Вслѣдствіе такихъ отношеній къ языческимъ вѣрованіямъ, вынесеннымъ съ родины, норманскіе дружинники, переселяясь на другую почву, легко привыкали

къ вѣрованіямъ побѣжденныхъ туземцевъ и легко принимали чужіе обряды. Сталкиваясь же съ христіанами они скорѣе другихъ язычниковъ подчинялись вліянію христіанства и полнѣе отрекались отъ прежнихъ своихъ вѣрованій; между тѣмъ какъ народы, успѣвшіе глубже проникнуться языческими вѣрованіями, сильнѣе утверждающимися подъ покровомъ патріархальнаго быта, только послѣ долгой, нерѣдко упорной борьбы отказывались отъ своей вѣры въ пользу новаго ученія.

Таковы были характеристическія свойства, которыя выработалъ въ себѣ дружинный бытъ ко времени призванія варяжскихъ князей восточными Славянами. Намъ нѣтъ никакой надобности заниматься здѣсь вопросомъ: какого происхожденія были эти Варяги? Для насъ гораздо важнѣе знать: какой бытъ, какія общественныя силы, какой элементъ жизни принесли они къ намъ?

Изъ первыхъ же извѣстій о варяжскихъ князьяхъ, прибывшихъ къ восточнымъ Славянамъ, мы видимъ, что они дѣйствуютъ, опираясь на пришедшую съ ними толпу дружинниковъ, что для пополненія этой толпы какъ первые князья, такъ и ихъ преемники, призываютъ изъ за моря новыхъ бойцовъ, и наконецъ въ составъ дружины начинаютъ принимать не только туземцевъ Славянъ, но и выходцевъ изъ другихъ пограничныхъ народовъ: Угровъ, Печенеговъ и т. д. Кромѣ того есть извѣстіе, что дружины бывали не только у князей, но и у второстепенныхъ вождей. Дружинники Игоря говорятъ своему князю, что воины Свѣнельда богаты оружіемъ и платьемъ, а они наги, и приглашаютъ князя идти за добычей. Изъ этихъ словъ и другихъ подобныхъ имъ извѣстій видны также и тѣ отношенія, въ которыя дружина стала къ своимъ вождямъ по приходѣ къ восточнымъ Славянамъ. Между князьями и дружиной существуютъ условія, между коими весьма важнымъ считается обязанность князя дѣлиться съ дружинниками пріобрѣтаемою добычей. Какимъ образомъ князья ходили за добычей, это видно изъ свидѣтельства Константина Багрянороднаго. Онъ разсказываетъ, что позднею осенью русскіе князья выступали съ своими дружинами изъ Кіева

и отправлялись къ какому-либо племени собирать дань, они сходились и проживали тамъ нѣкоторое время. Такой обычай Константинъ называетъ греческимъ словомъ Γύρα, порусски полюдье. Какъ скоро начиналась весна, князья возвращались въ Кіевъ и не рѣдко пускались въ походы на Константинополь или на какой нибудь изъ сосѣднихъ народовъ. Но съ каждымъ поколѣніемъ число дружинниковъ изъ туземцевъ увеличивалось, элементъ славянскій получалъ въ дружинѣ преобладаніе и вносилъ въ ея жизнь свои понятія, развившіяся подъ вліяніемъ родовыхъ отношеній. Мало-по-малу всѣ дружинники стали называть себя братьями, дѣлиться на старшихъ и младшихъ, и наконецъ всѣ прежнія отношенія между князьями и дружинниками исчезаютъ: послѣдніе становятся воинами князя, а позднѣе и самое слово „дружина" замѣняется словами: войско, рать. Такимъ образомъ первоначальная дружина, явившаяся среди восточныхъ Славянъ, живетъ и дѣйствуетъ еще подъ вліяніемъ германскихъ обычаевъ; но потомъ дружинники подчиняются туземному элементу и его вліянію.

Точно также подъ вліяніемъ Варяго-Руссовъ среди восточныхъ Славянъ устанавливаются сознательнѣе и опредѣленнѣе отношенія раба къ своему господину, и наоборотъ. Глубоко коренящееся въ дружинныхъ обычаяхъ презрѣніе лицъ высокаго происхожденія къ лицамъ низшаго рожденія даетъ себя чувствовать. Арабскіе писатели говорятъ, что при погребеніи знатнаго Русса съ нимъ кладутъ и его раба. Изъ договоровъ Олега, Игоря видно, что хозяину предоставлялось право продавать челядинцевъ. Рогнѣда, дочь полоцкаго князя Рогволода, который безъ сомнѣнія былъ варяжскаго происхожденія, на вопросъ отца: хочетъ ли она идти замужъ за Владиміра?—отвѣчала: „не хочу розуть робичича", ибо Владиміръ былъ сыномъ Святослава отъ ключницы Малуши; разуваніе же было обычаемъ, который соблюдался при вступленіи въ бракъ, и въ словахъ полоцкой княжны выразилось ясное сознаніе о рабствѣ и призрѣніе къ нему. Еще яснѣе высказалось сознаніе рабства въ Русской Правдѣ, гдѣ рабъ, иначе называемый холопомъ, смѣшивается съ вещью, и какъ вещь про-

тивополагается свободному человѣку. Такъ напримѣръ за свободнаго человѣка, если онъ будетъ убитъ, виновный платитъ продажу, пеню; за раба же, убитаго господиномъ, послѣдній не отвѣчаетъ, т.-е., не платитъ никакой пени. Но если кто убьетъ чужаго холопа, то платитъ незначительное вознагражденіе хозяину его, какъ за погибшую вещь. Кромѣ того господинъ можетъ продать своего раба какъ вещь; все что ни пріобрѣтаетъ холопъ пріобрѣтаетъ для хозяина, и наоборотъ за вину холопа отвѣчаетъ не онъ самъ, а господинъ его; только въ томъ случаѣ господинъ не отвѣчаетъ за холопа, когда онъ захочетъ выдать его головою или отдать въ услуженіе, въ противномъ случаѣ обязанъ заплатить за него. Вмѣстѣ съ рабствомъ пріобрѣтаетъ у насъ большую твердость и понятіе о кабалѣ: кто беретъ деньги и за это обязывается служить, тотъ находится къ заимодавцу въ отношеніи кабальномъ, что́ называется въ Русской Правдѣ состояніемъ закупа.

Мы сказали, что на германской почвѣ кромѣ рабства развился и феодализмъ; а потому въ правѣ спросить теперь: былъ ли у насъ феодализмъ, т.-е. внесли ли къ намъ Варяго-Руссы тѣ отличительныя явленія, которыя замѣчаемъ въ странахъ, гдѣ господствовала феодальная система? А такъ какъ важнѣйшимъ послѣдствіемъ феодализма у Германцевъ было развитіе опредѣленныхъ понятій о сословіяхъ, то мы должны спросить еще: выработались ли у насъ подъ вліяніемъ Варяго-Руссовъ различія между сословіями?

Карамзинъ въ своей „Исторіи Государства Россійскаго" рѣшилъ этотъ вопросъ такъ: „вмѣстѣ съ верховною княжескою властью утверждалась въ Россіи, кажется, и система феодальная, помѣстная или удѣльная, бывшая основаніемъ новыхъ гражданскихъ обществъ въ Скандинавіи и во всей Европѣ, гдѣ господствовали народы германскіе." Послѣдователи Карамзина повторяли эту мысль. Но теперь никто не скажетъ, что въ исторіи русскаго народа замѣтны явленія, свойственныя феодальной системѣ: ибо у насъ не было борьбы между верховною властію и дружинниками въ тѣхъ размѣрахъ и съ тѣмъ характеромъ, какими она

отличалась въ исторіи западной Европы; въ древней Россіи не было также и борьбы между дружинниками и остальнымъ населеніемъ; не замѣтно появленія средняго класса, и не видно, чтобы по призваніи Варяго-Руссовъ явилось разграниченіе сословій, которыя бы ясно сознавали свои права. Между тѣмъ какъ въ странахъ феодализма мы замѣчаемъ рѣзкія отличія между побѣжденными и побѣдителями, у насъ вскорѣ послѣ призванія Варяговъ возстановляется прежнее равенство. Это явленіе многіе объясняли такимъ образомъ: на западѣ феодализмъ былъ необходимымъ послѣдствіемъ завоеваній и съ особенною силою развился въ тѣхъ странахъ, которыя были завоеваны дружинниками; а Варяго-Руссы были призваны самими племенами славянскими и финскими, ибо лѣтописецъ въ уста посланныхъ къ Варягамъ влагаетъ слова: „земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да пойдите княжить и володѣти нами.“ Слѣдовательно, заключали нѣкоторые изъ изслѣдователей русской старины, Славяне и Финны поддались Варяго-Руссамъ добровольно, и завоеванія тутъ не было. Далѣе въ лѣтописи есть ясное указаніе, что нѣкоторые изъ остальныхъ славянскихъ племенъ, не принимавшихъ участія въ призваніи, подчинились добровольно. Такъ объ Олегѣ лѣтописецъ пишетъ, что онъ сказалъ Радимичамъ: „платите мнѣ дань, а не Козарамъ,“ — и тѣ охотно согласились. Но противъ такаго вывода можно привести нѣсколько фактовъ, которые доказываютъ, что у насъ завоеваніе также было и что подчиненіе племенъ совершалось не совсѣмъ добровольно. Такъ мы знаемъ что Рюрикъ, прибывъ къ намъ съ своими братьями, не тотчасъ поселился въ Новгородѣ, и что въ послѣднемъ недовольные его самовластіемъ возставали противъ него; что братья Рюрика тотчасъ же по призваніи начали воевать всюду; что первые князья должны были укрѣпляться въ тѣхъ городахъ, которые занимали или строили сами, чтобы безопаснѣе властвовать надъ окружнымъ населеніемъ; что Варяги чинили насилія надъ туземными жителями; что вообще князья должны были часто воевать съ тѣми племенами, отъ которыхъ хотѣли получать дань, должны были при-

мучивать ихъ. Такъ князь Игорь притѣснялъ Древлянъ, тѣ поднялись противъ него и смирены были только Ольгой; съ Сѣверянами воевалъ Олегъ, съ Вятичами Святославъ и Владиміръ; Радимичи, согласившіеся добровольно платить дань при Олегѣ, отказали въ томъ Владиміру и онъ долженъ былъ воевать съ ними. Что́ восточные Славяне не такъ добровольно подчинялись и платили дань, видно изъ того уже, что князья каждою осенью должны были ходить за данью. Изъ всего этого мы имѣемъ право вывести, что Варяго-Руссы у насъ точно также, какъ и германскія дружины въ другихъ мѣстахъ, должны были собирать добычу и получать дань большею частію при помощи оружія; а стало быть мы должны спросить себя: почему же появленіе германской дружины среди восточныхъ Славянъ не произвело у насъ феодализма?

Причиною того были различныя условія завоеваній у насъ и на западѣ. Тамъ германскія дружины встрѣчали въ завоеванныхъ ими странахъ земли сплошь населенныя, общественную жизнь болѣе или менѣе развитую и жителей сравнительно съ ними образованнѣйшихъ. Эти условія дѣлали для дружинниковъ, получившихъ участки въ побѣжденныхъ земляхъ, чрезвычайно выгоднымъ владѣніе ими. При достаточномъ населеніи цѣнность земли была высока, всегда можно было найти готовыя руки для обработки ея и дружинники могли заставлять туземцевъ воздѣлывать ихъ поля. Совершенно иное нашли Норманны на востокѣ Европы. Здѣсь племена жили не такимъ сплошнымъ населеніемъ; каждый родъ занималъ свое отдѣльное мѣсто, между разбросанными поселеніями лежали не проходимыя болота и лѣса. Кромѣ того Славянъ и Финновъ, жившихъ на обширной равнинѣ восточной Европы, было несравненно болѣе, нежели пришедшихъ къ нимъ дружинниковъ. Все это было причиною того, что пришельцы не могли сдѣлаться у насъ значительною силою: страна была обширна и землею не дорожили; отдѣльность и разрозненность родовъ и племенъ требовала для покоренія ихъ возможно большаго числа дружинниковъ, которые вслѣдствіе того и не могли разсыпаться по всей русской землѣ; для завоева-

нія же всѣхъ племенъ, населявшихъ восточную Европу, понадобилась бы цѣлая рать, а не дружина. Какъ скоро князь оставлялъ покоренныя племена, они тотчасъ же становились свободными, и чтобы получить съ нихъ вторичную дань нуженъ былъ новый походъ. Не имѣя никакой возможности занять столь обширное пространство земли и не имѣя силъ удержать племена въ покорности, Варяго-Руссы должны были отказаться отъ управленія ими и ограничиться собираніемъ дани. Для послѣдней цѣли они пользовались своими осенними походами и строили среди важнѣйшихъ поселеній туземныхъ племенъ укрѣпленія, откуда могли дѣйствовать свободнѣе. Но кромѣ того, что дружинники должны были принять совершенно иной образъ дѣйствій среди восточныхъ Славянъ чѣмъ на западѣ, различный характеръ завоеваній здѣсь и тамъ произвелъ различіе и въ отношеніяхъ дружинниковъ къ вождю и къ поземельной собственности. Полученіе участка земли не могло представлять для дружинника ничего особенно важнаго; дружинникъ не могъ дорожить такимъ участкомъ, который трудно было обработывать. По этому дружинники неохотно отдѣлялись отъ князей, которые только немногихъ изъ нихъ посылали въ укрѣпленныя мѣста, чтобы держать хотя въ слабомъ повиновеніи окружныя племена и собирать съ нихъ дань. Такая посылка въ города не была отдачею ихъ въ полное владѣніе дружинникамъ. Городъ по прежнему оставался во власти князя и служилъ для дружинника лишь мѣстомъ, изъ котораго ему легче было отправлять главнѣйшія обязанности своего правительственнаго назначенія. Въ этомъ случаѣ дружинникъ былъ только посадникомъ князя. Слабость дружинниковъ среди окрестнаго населенія было причиною того, что получая города въ управленіе они не стремились къ самостоятельности, къ отдѣльности отъ князей; напротивъ для дружинниковъ было гораздо выгоднѣе находиться какъ можно ближе къ князю. Такимъ образомъ у насъ не было не только полнаго покоренія туземнаго населенія, но и втораго существеннаго условія феодализма—раздачи земли въ томъ видѣ, какъ это является на западѣ. Этимъ достаточно объясняется:

почему у насъ не возникли замки феодальныхъ вассаловъ? почему наши дружинники находились въ связи, а не въ борьбѣ съ князьями? почему туземныя племена и пришлые дружинники мало-по-малу сравнялись въ правахъ? почему у насъ въ древности не было такого различія между сословіями, между отдѣльными классами населенія, какъ на западѣ Европы?

Наконецъ мы признали отличительною чертою дружиннаго быта Германцевъ непрочность религіозныхъ вѣрованій, отсутствіе твердыхъ религіозныхъ убѣжденій. Эта черта вполнѣ принадлежитъ и нашимъ Варягамъ. Ни изъ одного мѣста начальной лѣтописи не видно, чтобы Варяги принесли къ намъ свои религіозные обряды. Если бы они пришли съ своими вѣрованіями, съ своими божествами, то не могли бы такъ скоро подчиниться вліянію туземной религіи, какъ это съ ними случилось. Уже при Олегѣ Варяги поклоняются славянскому богу Перуну, клянутся имъ и приносятъ жертвы ему вмѣстѣ съ славянскимъ же богомъ Велесомъ. При Владимірѣ ставится въ Кіевѣ изображеніе Перуна и самъ князь приноситъ предъ нимъ жертву. Столь же скоро, скорѣе славянскихъ язычниковъ, Варяги переходятъ въ христіанство. Уже объ Аскольдѣ и Дирѣ есть преданіе, что они крестились. При Игорѣ, по словамъ начальнаго лѣтописца, въ Кіевѣ было много христіанъ изъ Варяговъ; по заключеніи договора съ Греками эти христіане присягали въ своей церкви, построенной въ честь Св. Иліи. Первые мученики христіанскіе при великомъ князѣ Владимірѣ были варяжскаго происхожденія. Напротивъ того съ великими затрудненіями соединено было введеніе христіанской вѣры между славянскими язычниками: по лѣтописному преданію въ Новгородѣ Путята крестилъ огнемъ, а Добрыня мечемъ; въ Ростовѣ первые епископы пали жертвой язычества; въ Муромѣ еще въ XII вѣкѣ язычество было въ полной силѣ. Такимъ образомъ по воспріимчивости къ новымъ религіознымъ вѣрованіямъ Варяги вполнѣ напоминаютъ таковое же свойство германскихъ дружинниковъ. Но благодаря той же воспріимчивости Варяги, призванные володѣть надъ восточными Славя-

нами, были причиною сближенія послѣднихъ съ Византіей, подчиненія ихъ и себя вліянію новаго, гораздо сильнѣйшаго элемента—христіанскаго.

Въ чемъ же собственно выразилось вліяніе норманскихъ дружинниковъ на историческую судьбу восточныхъ Славянъ? Они оставили по себѣ древне-русскому обществу нѣкоторыя новыя формы общественной жизни. Къ такимъ формамъ, образовавшимся у насъ подъ вліяніемъ Варяго-Руссовъ, принадлежатъ: появленіе договорныхъ общинъ въ противоположность общинамъ родовымъ; юридическія опредѣленія рабства и отношеній господина къ холопу; появленіе новыхъ должностныхъ лицъ, изъ коихъ нѣкоторыя носятъ даже названія германскія, и замѣна кровной мести денежною пенею. Но еще важнѣе было значеніе германскихъ дружинниковъ для политической исторіи нашей страны. Они дали такъ сказать первый толчокъ къ образованію нашего государства. До нихъ восточныя славянскія племена, населявшія всю внутренность нынѣшней Россіи, не соединялись такъ тѣсно, чтобы начать общую жизнь Но когда между ними явились варяжскіе князья, то соединеніе совершилось хотя на первыхъ порахъ и внѣшнимъ образомъ. Всѣ племена постепенно одинъ за другимъ стали признавать въ лицѣ великаго князя общаго главу и стали платить ему дань. А потомъ варяжскіе князья и вообще Варяги оказали вліяніе и на внутреннее объединеніе восточныхъ Славянъ, сблизивъ ихъ съ Византіей и содѣйствуя распространенію между ними христіанства. Наконецъ они же передали имъ свое имя *Русскихъ*, которымъ съ тѣхъ поръ стали называться всѣ Славяне, занявшіе восточную Европу. Нѣтъ сомнѣнія, что и самая живость впечатлѣнія, получаемаго отъ начальнаго періода русской исторіи, обусловливается столкновеніемъ германскаго элемента съ славянскимъ, столкновеніемъ на свѣжей, почти нетронутой исторіею, почвѣ быта дружиннаго, подвижнаго съ бытомъ племеннымъ и родовымъ, пребывавшимъ въ патріархальныхъ формахъ.

Византійское вліяніе на бытъ восточныхъ Славянъ стало обнаруживаться съ особенною ясностію съ тѣхъ поръ какъ

къ нимъ прибыли Варяго-Руссы, которымъ по разсказамъ уже давно была извѣстна столица Восточной имперіи. Византійскіе императоры, вслѣдствіе постоянныхъ нападеній отъ сосѣднихъ народовъ германскаго, славянскаго и турецкаго происхожденія, нуждались въ военной помощи и охотно прибѣгали къ найму норманскихъ дружинниковъ. Эти наемники въ Византіи назывались foederati, сами же они называли себя *верингами*; но Греки произносили это имя по своему Βαράλλοι, а у насъ ихъ стали называть *Варягами*. Конечно и до призванія русскихъ князей восточные Славяне знали Византію, а Греки были знакомы съ ними; но это знакомство не оставило по себѣ ясныхъ слѣдовъ,— и первое болѣе близкое соприкосновеніе восточныхъ Славянъ съ Византіей началось съ того, что князья варяжскіе, собравъ подъ свои знамена славянскія племена, пошли съ ними войною на греческую имперію. Главною и едвали не единственною цѣлію этихъ походовъ было обогащеніе себя добычею въ Византіи, ибо Варяги знали изъ разсказовъ своихъ соплеменниковъ, какъ богата была Византійская имперія. Но въ то же время Варяго-Руссы вмѣстѣ съ Славянами невольно должны были подчиниться вліянію византійскому, особенно въ отношеніи религіозномъ и культурномъ. Съ этихъ сторонъ византійскій элементъ былъ сильнѣе, стоялъ на высшей степени развитія чѣмъ элементы славянскій и германскій. Само собою разумѣется, что византійское вліяніе на нихъ обусловливалось именно тѣми свойствами византійской жизни, которыми она находилась въ противорѣчіи съ бытомъ Славянъ и Германцевъ. Существенными противорѣчіями въ этомъ отношеніи были: особенное значеніе въ Византіи верховной власти и особенныя отношенія ея къ подданнымъ; общественное положеніе церкви вмѣстѣ съ вліяніемъ христіанства на общественный и частный бытъ; совершенно иныя юридическія понятія и необыкновенно развитая административная система.

Что касается положенія верховной власти въ Византійской имперіи, то въ своихъ общихъ, существенныхъ проявленіяхъ оно исчерпывалось слѣдующими опредѣленіями:

византійскій императоръ былъ главою всей имперіи въ смыслѣ неограниченномъ, власть его была монархическая и равно касалась какъ гражданскихъ, такъ и церковныхъ дѣлъ. Въ дѣлахъ гражданскихъ византійскій императоръ былъ относительно подданныхъ и главный правитель, и главный судья, и въ то же время законодатель, т. е. ему принадлежала власть исполнительная, судебная и законодательная. Относительно церкви византійскій императоръ былъ защитникомъ христіанскихъ догматовъ и покровителемъ самой церкви, какъ собранія вѣрующихъ; въ этомъ смыслѣ онъ считался какъ бы главою церкви. При такихъ правахъ власть византійскаго императора переходила къ его преемникамъ, какъ къ наслѣдникамъ, и по характеру своему считалась властью наслѣдственною, проистекающею отъ Бога. Вотъ почему при своемъ вступленіи на престолъ византійскій императоръ принималъ эту власть съ соблюденіемъ извѣстныхъ священныхъ обрядовъ: самъ патріархъ вѣнчалъ и помазывалъ его на царство, почему императоръ назывался помазанникомъ Божіимъ. Въ отношеніи къ императору всѣ жители Византійской имперіи признавались его подвластными, его подданными, и не имѣли никакихъ правъ для ограниченія его власти. На этомъ основаніи въ византійской исторіи мы не встрѣчаемъ никакихъ столкновеній, никакой борьбы за государственныя права между верховной властью и подданными: напротивъ всегда видимъ, что византійскіе императоры принимаютъ лишь тѣ мѣры, которыя сами считаютъ лучшими для своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ ни въ теоріи, ни на практикѣ не было въ Византіи противорѣчій между верховной властью и подданными. Если бывали возстанія, междоусобія, отторженія цѣлыхъ областей, то они проистекали изъ религіозныхъ споровъ, а не изъ политическихъ убѣжденій. Самыя права верховной власти и ея наслѣдственность въ продолженіе всей византійской исторіи считались непреложными, хотя перемѣна правителей на престолѣ Византіи нерѣдко была событіемъ непредвидѣннымъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что всякій видъ престолонаслѣдія получилъ въ Византіи свое историческое помазаніе. Хотя по

законамъ имперіи перворожденные всегда были порфиродными наслѣдниками трона, но царствующій императоръ могъ предъ своею смертію перенести право наслѣдія на другаго сына, принимая во вниманіе душевныя или тѣлесныя качества, или сообразуясь съ своими симпатіями и антипатіями. Нерѣдко супруга императора имѣла сильное вліяніе на избраніе наслѣдника престола, особенно если не было наслѣдника законнаго. Большія замѣшательства причиняли соправители, державшіе власть во время малолѣтства законныхъ наслѣдниковъ, ибо такой соправитель нерѣдко захватывалъ правленіе въ свои руки, а законный наслѣдникъ или погибалъ насильственной смертью, или былъ ослѣпляемъ, или же постригаемъ и заключаемъ въ монастырь, если только вовремя не спасался бѣгствомъ и не искалъ убѣжища у кого-либо изъ сосѣднихъ владѣтелей. Еще чаще дѣйствовалъ въ Византіи давній обычай, по которому даже законные наслѣдники, достигнувъ совершеннолѣтія, старались такъ или иначе устранить всѣхъ ближайшихъ родственниковъ умершаго императора, которые только могли заявить свои притязанія на престолъ. Но при всѣхъ этихъ переворотахъ права верховной власти нисколько не уменьшались, въ ея отношеніи къ подданнымъ не вносилось никакихъ измѣненій, и сама она продолжала считаться наслѣдственною. Поэтому почти всегда и правящій императоръ, и наслѣдникъ византійскаго престола носили титулъ Βασιλεύς; но кромѣ того императоръ назывался автократоромъ и деспотомъ. Будучи верховными правителями, византійскіе императоры передавали часть своей власти для управленія подданными обширной имперіи особеннымъ избраннымъ лицамъ, потому что не могли вездѣ дѣйствовать лично. Еще со временъ Константина Великаго число придворныхъ и государственныхъ чиновниковъ высшихъ и низшихъ, гражданскихъ и военныхъ, отчасти сохранившихъ древне-римскія названія, отчасти получившихъ новыя, а стало быть и число всѣхъ должностей Византійской имперіи, было такъ громадно, что никакое государство нашего времени, ни восточное, ни западное, не могло бы поспорить съ Византіей въ этомъ отношеніи.

Назначеніе въ должности всегда зависѣло отъ императора, который руководился личнымъ расположеніемъ, родственными отношеніями и принадлежностію назначаемаго къ той или другой политической и придворной партіи. Права чиновниковъ были различны и различіе это зависѣло частію отъ степени власти, которая давалась имъ, частію отъ близости къ лицу императора. Къ числу отличительныхъ свойствъ византійскаго чиновничества конечно надо отнести слѣдующія: многочисленность чиновниковъ, составлявшихъ дворъ императора; отсутствіе правильной и развитой полицейской силы; необыкновенно подробное развитіе уголовно-судебной власти, дѣйствовавшей быстро и строго, и включеніе въ число правительственныхъ чиновъ духовенства вообще и духовныхъ властей въ особенности. Въ Византіи вообще духовенство пользовалось особенными правами и преимуществами, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ духовные чины ставились выше гражданскихъ; а между тѣмъ и духовныя власти подчинялись императору не только въ дѣлахъ свѣтскихъ, но и въ томъ, что касалось внутренняго и внѣшняго управленія церкви.

Еслибы мы стали искать такихъ явленій въ нашей древней исторіи, въ которыхъ можно было бы признать вліяніе Византіи, и ограничили бы на первый разъ кругъ этихъ явленій жизнію политической, то изслѣдуя только первые два вѣка нашей исторіи должны были бы признаться, что этого вліянія не было. Въ Византіи верховная власть была единая и неограниченная; между тѣмъ мы знаемъ, что по смерти Ярослава Русь раздѣлилась на княжества, явилось много князей, признававшихъ великаго князя только главою своего рода и то лишь съ начала, а впослѣдствіи стремившихся къ самостоятельности и къ обособленію своихъ вотчинъ. Такимъ образомъ во время, ближайшее къ принятію христіанства восточными Славянами изъ Византіи въ политической жизни ихъ замѣчается полнѣйшее господство туземнаго начала, и лишь съ XV вѣка, когда Византія уже пала, начинаетъ уничтожаться въ Россіи княжеское многовластіе не безъ содѣйствія духовенства, проводившаго у насъ византійскія идеи. Иванъ Грозный самъ

желаетъ быть признаннымъ въ царскомъ санѣ отъ византійскаго патріарха. На соборѣ 1658 года, собранномъ въ Москвѣ по дѣлу патріарха Никона, византійское духовенство утвердило, что власть царя должна быть едина и неограниченa.

Точно также подъ вліяніемъ византійскаго элемента еще въ древней Россіи возникли права и преимущества, которыми пользовалось духовенство. Какъ въ Византіи, такъ и у насъ духовенству дано было право суда не только надъ лицами духовными, но и свѣтскими. Не смотря на то сравнивая преимущества и права византійскаго духовенства съ преимуществами и правами, которыя имѣло въ старину духовенство русское, мы видимъ нѣкоторое различіе: съ одной стороны русское духовенство имѣло болѣе правъ и преимуществъ, а съ другой менѣе нежели византійское. Причиною того были мѣстныя обстоятельства и условія. Въ Византіи епископамъ въ ихъ епархіяхъ принадлежало право участвовать въ выборахъ городскихъ чиновниковъ; далѣе они могли иногда повѣрять этихъ чиновниковъ, контролировать ихъ дѣйствія и вообше имѣть долю участія въ городскомъ управленіи. Въ древней Россіи, напротивъ, не замѣчаемъ этого явленія, по крайней мѣрѣ въ такихъ размѣрахъ, какъ въ Византіи; въ древней Россіи городскіе и другіе чиновники назначались князьями и духовенство не мѣшалось въ ихъ дѣла. Исключеніе относилось лишь къ области Новгородской, гдѣ епископъ имѣлъ особое значеніе. Во всѣхъ же остальныхъ областяхъ каждый князь самъ имѣлъ непосредственный надзоръ за гражданскимъ управленіемъ, самъ назначалъ чиновниковъ, самъ повѣрялъ ихъ. По этой причинѣ духовенство древней Россіи дѣйствовало непосредственно на самихъ князей; такъ при первомъ же христіанскомъ князѣ Владимірѣ епископы подаютъ ему совѣтъ казнить разбойниковъ. Съ другой стороны въ Византіи правила, издававшіяся духовенствомъ, нуждались для полученія силы дѣйствующихъ законовъ въ утвержденіи со стороны императора. Напротивъ въ древней Россіи почти до XVI вѣка этого не было: епископы и митрополиты русскіе издаютъ соборныя опре-

дѣленія, которыя принимаются всюду и имѣютъ обязательную силу, для чего утвержденія отъ великаго князя вовсе не требуется. Это объясняется отчасти тѣмъ, что русская церковь была уже единая и во главѣ ея стоялъ митрополитъ, слѣдовательно его опредѣленія должны были имѣть силу для всей Россіи, между тѣмъ какъ въ каждой области былъ свой князь, власть котораго ограничивалась только ея предѣлами, — и уже впослѣдствіи при единодержавіи принято было у насъ византійское правило, т.-е. опредѣленія соборовъ стали подтверждаться царемъ. Столь же важное отличіе между правами духовенства византійскаго и русскаго состояло въ томъ, что первое за преступленія, подлежавшія его суду, имѣло право подвергать виновнаго лишь духовной казни, эпитиміи или отлученію отъ церкви; русскіе же уставы о церковныхъ судахъ кромѣ того даютъ духовенству право подвергать виновнаго денежной пенѣ. Это право объясняется различіемъ условій, при которыхъ утвердилась у насъ христіанская вѣра и при которыхъ изданы были въ Византіи правила о подсудности духовенству. Извѣстно, что въ Византійской имперіи христіанская религія распространялась и утверждалась постепенно и была объявлена вѣрою господствующею только послѣ упорной борьбы язычества съ христіанствомъ, даже послѣ гоненій на христіанъ со стороны самихъ императоровъ, однимъ словомъ уже тогда, когда большинство народа ее исповѣдывало. Въ древней же Россіи, когда великій князь Владиміръ объявилъ христіанскую вѣру господствующею, большинство христіанъ сосредоточивалось только въ Кіевѣ, а въ другихъ мѣстахъ христіанство пустило весьма слабые корни. Вотъ причина, заставлявшая дать духовенству особыя права при обсужденіи церковныхъ преступленій; еслибы язычника епископъ подвергъ за преступленіе противъ христіанской вѣры эпитиміи или отлученію отъ церкви, то это нисколько не подѣйствовало бы на виновнаго; а при частомъ повтореніи подобныхъ случаевъ всѣ дѣйствія духовныхъ властей оставались бы тщетными. Въ Византіи большая часть самыхъ важныхъ преступленій противъ вѣры и нравственности признавалась

государственными, какъ напримѣръ волшебство, богохульство и т. п.; у насъ же, когда христіанская вѣра стала утверждаться, верховная власть не имѣла никакого понятія о многихъ изъ этихъ преступленій, не считала, да и не могла считать ихъ подлежащими преслѣдованію. Только духовенство могло указать князьямъ на эти преступленія и потребовать гражданской казни за нихъ; князья приняли ихъ въ значеніи преступленій церковныхъ и поручили судить самому духовенству, предоставивъ ему и за преступленія противъ вѣры и нравственности получать съ подсудимаго судебную пошлину и денежную пеню. Такимъ образомъ мѣстныя отличія жизни произвели на первыхъ порахъ въ положеніи русскаго духовенства несходство съ положеніемъ духовенства византійскаго.

Еще сильнѣе сказалось вліяніе византійскаго элемента, какъ христіанскаго, въ семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ. Въ Византіи отношенія между членами семьи не только личныя, но и имущественныя, уже были опредѣлены очень точно; напримѣръ жена имѣла свое имущество, которое признавалось отдѣльнымъ отъ имущества мужа и которымъ она могла распоряжаться произвольно, какъ своею полной собственностью. Въ Византіи каждый членъ семьи имѣлъ двоякое значеніе: какъ членъ государства и какъ членъ семейства; слѣдовательно, подчиняясь отцу или главному въ семьѣ, каждый могъ дѣйствовать независимо отъ него какъ членъ государства, и въ этомъ отношеніи отецъ даже могъ быть подчиненъ своему сыну. Всякій членъ семьи могъ имѣть свою отдѣльную собственность, пріобрѣтенную или своими трудами, или выдѣленную ему отцомъ изъ имущества послѣдняго. Кромѣ того опредѣлены были правила завѣщанія и раздѣла имуществъ. Отношенія между господами и рабами установлены подъ вліяніемъ идей христіанскихъ и давней гражданственности и утверждены на разумныхъ основаніяхъ. Въ Византіи признано было множество случаевъ и условій, по которымъ можно было пріобрѣтать свободу, и множество формъ, кототорыя облегчали такое пріобрѣтеніе; такъ напримѣръ поступленіе въ духовное званіе,

плѣнъ и возвращеніе изъ плѣна, бракъ рабы съ свободнымъ или раба съ свободною доставляли свободу человѣку, состоявшему до тѣхъ поръ въ рабствѣ. Кромѣ того право обращать въ рабство военноплѣнныхъ было ограничено въ Византіи тѣмъ, что цѣлыя области были иногда недоступны его примѣненію, напримѣръ военно-плѣнный Болгаринъ не дѣлался рабомъ того, кто бралъ ёго въ плѣнъ. Наконецъ рабы въ Византіи могли имѣть свое отдѣльное имущество. Всѣ эти установленія, семейныя и гражданскія, не остались безъ вліянія на бытъ древней Россіи благодаря дѣятельности духовенства, которое старалось провести въ русскую жизнь правила, существовавшія въ Византіи. Такъ изъ церковныхъ уставовъ, данныхъ нашими первыми князьями, видно что христіанская церковь взяла подъ свою защиту въ новообращенномъ обществѣ жену противъ притѣсненій мужа, дѣтей отъ притѣсненій со стороны родителей. Далѣе подъ вліяніемъ византійскихъ законовъ утверждаются въ Россіи понятія о завѣщаніи, наслѣдствѣ, отдѣльномъ имуществѣ жены, дѣтей и вообще членовъ семьи. Вмѣстѣ съ тѣмъ начиная съ XI вѣка духовенство противится многоженству, произвольному разводу, кровной мести, судебнымъ поединкамъ и т. д. Положеніе рабовъ, смягчавшееся у Славянъ патріархальнымъ бытомъ, но потомъ ставшее болѣе тяжелымъ подъ вліяніемъ взглядовъ, принесенныхъ дружинниками, снова становится лучше и разумнѣе подъ вліяніемъ христіанскаго убѣжденія, что господинъ не долженъ поступать съ рабомъ безчеловѣчно. Вмѣстѣ со всѣми этими перемѣнами въ быту семейномъ и общественномъ, переносится къ намъ изъ Византіи и внѣшняя форма договоровъ, разныхъ сдѣлокъ и вообще актовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что византійское вліяніе дѣйствовало у насъ и въ сферѣ уголовнаго права, въ развитіи понятій о преступленіи и наказаніи, въ замѣнѣ матеріальнаго возмездія за преступленіе наказаніемъ формальнымъ, въ постепенномъ утвержденіи слѣдственнаго порядка судопроизводства. Но въ этой сферѣ византійское вліяніе встрѣчало сильное противодѣйствіе и въ прежнихъ взглядахъ русскаго общества на

преступленіе и наказаніе, и въ слабости правительственной власти, развивавшейся медленно. Въ сферѣ же гражданскаго и церковнаго права вліяніе Византіи было сильнѣе и несомнѣннѣе. Во всякомъ случаѣ мы должны признать, что народовластіе, рѣшавшее у восточныхъ Славянъ, при господствѣ патріархальнаго быта, большинство споровъ и судебныхъ исковъ, нашло сильнаго противника сперва въ лицѣ варяжскихъ князей, а потомъ въ законодательствѣ и юридической практикѣ Византіи, служившей въ этомъ примѣромъ для древней Россіи.

Вотъ тѣ вліянія, съ которыми встрѣтилась русская жизнь при самомъ началѣ ея историческаго развитія; вотъ тѣ элементы, которые легли въ основу древне-русскаго быта. Элементъ славянскій былъ главнымъ, основнымъ между ними; и такъ какъ большинство населенія всей страны было славянское, то элементъ этотъ получилъ преобладаніе надъ другими. Элементъ германскій или дружинный, принесенный къ намъ Варягами, содѣйствовалъ объединенію славянскихъ племенъ, съ одной стороны внѣшнимъ образомъ посредствомъ подчиненія князю, а съ другой внутреннимъ посредствомъ сближенія съ Византіей. Но вліяніе его было непродолжительно, уже въ XI вѣкѣ онъ является подчиненнымъ элементу славянскому. Что касается вліянія византійскаго, то оно начинаетъ утверждаться въ русскомъ обществѣ вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства и удерживается до самыхъ временъ Петра Великаго. Таковы были условія, при которыхъ слагалась внутренняя жизнь древне-русскаго общества: въ главныхъ проявленіяхъ этаго быта сказывалось присутствіе всѣхъ трехъ стихій, легшихъ въ основу нашей исторической жизни въ первые вѣка ея развитія.

Нилъ Поповъ.

